

Су Цзюгуй открыл глаза.

Они по-прежнему находились посреди реки Небесной Воды. Вэнь Ци сжимал в руках весло, Сяобай шурился, разглядывая его, а в воздухе парила голова призрачного заклинателя. Сам Су Цзюгуй сидел на носу ладьи в той же позе, что и прежде.

Подул легкий ветерок, и плакучие ивы на берегу реки Небесной Воды зашелестели листвой. Очнувшись от сна, Су Цзюгуй всегда подмечал подобные мелочи: игру света и тени, шелест ветра в кронах деревьев...

Кошмары Змеи кошмаров были до ужаса правдоподобны, но воссоздать мир во всей полноте они не могли. Именно такие детали помогали отличить иллюзию от реальности.

— Сколько меня не было? — спросил Су Цзюгуй.

Вэнь Ци, слегка озадаченный, пожал плечами:

— Да вы только глаза прикрыли и тут же открыли.

— Всего мгновение, — подтвердил Сяобай.

Всего мгновение. В мире снов Су Цзюгуй провел не меньше двух часов, ведя неторопливую беседу с девой-змеей, а в реальности прошел лишь миг. Время в грезах течет иначе, слишком медленно. Неудивительно, что там так легко забыться и потерять счет годам. Но из-за этой особенности тысяча лет, проведенная девой-змеей в заточении, казалась вечностью.

Су Цзюгуй потерял пальцы. Черная метка Змеи кошмаров расплылась на коже, точно капля туши.

Он еще не решил, как распорядиться обретенной силой. Способность Змеи проникать в чужие сны не была обычной иллюзией; ею можно было воспользоваться, только когда жертва спит. Если враг бодрствует, пробраться к нему в сознание не получится. В остальном же сила Змеи кошмаров позволяла лишь воздвигать горы и разливать моря в собственном духовном море.

Для нынешнего Су Цзюгуя это умение казалось бесполезным.

Призрачный заклинатель сразу узнал клеймо Змеи кошмаров на руке Су Цзюгуя. Значит, этот человек действительно способен поглощать чужую демоническую силу. Сначала золотое ядро Ло Цяоцяо, теперь кошмары девы-змеи... Су Цзюгуй вел себя как ненасытный зверь Таоте. Страшно подумать, на что он позарится в следующий раз.

— Вэнь Ци, — подал голос призрачный заклинатель, — тебе и правда повезло с учителем.

Призрак в корне изменил свое мнение о Су Цзюгуе. С такой невероятной силой этот человек вполне мог бросить вызов самой судьбе.

— А? — глуповато переспросил Вэнь Ци, но тут же закивал: — Да, я тоже так думаю.

Парящая голова сделала круг вокруг Су Цзюгуя. Будь у призрака руки, он наверняка подпер бы подбородок в глубоком раздумье.

— Твой духовный облик окреп, — заметил призрачный заклинатель.

Прежде Су Цзюгуй владел лишь жалкой нитью уцелевшей души. Его духовный облик оставался слабым и хрупким, точно ряска на воде, — любой сильный удар стер бы его в порошок. И вот он ненадолго погрузился в сон — неведомо, что именно он там совершил, — но его духовная сущность заметно окрепла.

— А что со Змеей кошмаров? — спросил призрак.

— Мертва, — лаконично отозвался Су Цзюгуй.

Раз уж в том сонном царстве явился сам Лу Юньцзи, смерть демона была делом решенным. Су Цзюгуй лишь забрал его силу, лишив Змею кошмаров собственного разума и воли.

— А как же дева-змея и Хо Цин?

Су Цзюгуй вкратце описал то, что произошло в кошмаре. Призрачному заклинателю не терпелось узнать, каков оказался их финал.

Су Цзюгуй слегка постучал согнутым пальцем по виску:

— Здесь.

Призрак потрясенно разинул рот:

— Ты спрятал их в собственном сне?

Дева-змея осталась лишь сгустком духовного сознания, лишенным плоти. Ей не нужно было физическое тело, чтобы существовать, — достаточно лишь иллюзорного мира снов. Су Цзюгуй выделил для нее и Хо Цин уютный уголок в глубинах своего духовного моря.

Призраку это казалось уму непостижимым. То была безжалостная дева-змея! Как Су Цзюгуй мог оставить ее в живых и не искоренить проблему полностью? Разве он не отрекся от мирских чувств и желаний? Неужели в его холодном сердце шевельнулась жалость?

— Ты держишь в собственной голове безумную парочку мстительных духов? — на всякий случай переспросил призрачный заклинатель.

— Вовсе нет, — возразил Су Цзюгуй, вспоминая непоколебимую преданность девы-змеи. — Они — любящие супруги.

Призрак лишился дара речи.

И это, по-твоему, самое важное?! Да этот парень точно не в своем уме!

Духовное море заклинателя должно оставаться кристально чистым. Пустить туда посторонних — все равно что заложить под собственный разум пороховую бочку. Кто знает, что может стрястись во сне? Что, если дева-змея улучит момент, пока Су Цзюгуй спит, и уничтожит его сознание изнутри?

Ни люди, ни демоны, ни духи до сих пор не сумели до конца разгадать природу сновидений. Мир грез слишком запутан и глубок. Когда-то один безумец предположил, что после смерти живые существа могут обрести вечную жизнь в чужих снах, но его подняли на смех и сочли сумасшедшим. Все их знания о снах были лишь жалкими крохами, попыткой разглядеть небо сквозь узкую щель.

Дева-змея провела в царстве сновидений тысячу лет. Она знала его законы лучше любого живущего, тогда как Су Цзюгуй по сравнению с ней оставался лишь робким учеником. И все же он пошел на этот безумный риск. Поистине, отваги ему не занимать — готов взяться за любую сделку.

Сяобай, услышав их разговор, слегка наклонил голову. Он прищурился. В мыслях Су Цзюгуя теперь обитал кто-то посторонний. Пусть даже это были любящие друг друга женщины, нашедшие временное прибежище в его духовном море...

Звериное чутье Сяобая заставило его насторожиться. Ему претила сама мысль о том, что в сознании Су Цзюгуя поселился кто-то чужой. Су Цзюгуй должен принадлежать только ему.

Глубокая ночь. Управа.

Цзи Юаньчу медитировал, сидя на постели. По его телу, подобно темным лозам, расплзались черные нити проклятия — неизбежная расплата за использование Заклятия Двух Жизней.

Прошлой ночью Су Цзюгую пришлось несладко, но и Цзи Юаньчу натерпелся сполна. Каждую крупницу его существа пронзала невыносимая боль, будто за одну ночь его предали лютой смерти тысячи раз. Пусть сейчас Заклятие Двух Жизней и было разрушено, темная скверна навечно въелась в его плоть. Заигрывания с запретной магией никогда не обходятся даром.

Впрочем, если судить по исходу, сделка оказалась невероятно выгодной. Су Цзюгуй упокоил деву-змею, Город между Облаками навсегда избавился от бедствия кошмаров, вековая злоба реки Небесной Воды утихла, а сам Су Цзюгуй вдобавок подчинил себе силу Змеи кошмаров. Одним выстрелом — четырех зайцев.

Призрачный заклинатель уже передал ему весть о том, что Су Цзюгуй поглотил демоническую сущность Змеи кошмаров. Затеявая все это, Цзи Юаньчу не верил в успех до конца. Результат превзошел все ожидания — Су Цзюгуй действительно оказался гением с горы Великой Чистоты. Он не разочаровал своего благодетеля.

Цзи Юаньчу даже почувствовал себя кем-то вроде заботливого отца. Найти столь понимающего союзника в наше время — редкая удача.

«Я ведь обещал преподнести тебе щедрый дар».

Он привык держать слово: если пообещал подарок, то никакого обмана здесь быть не могло. С другой стороны... если бы Су Цзюгуй сгинул в пучине собственного сна, значит, он просто не заслуживал права на жизнь.

На губах Цзи Юаньчу заиграла болезненная улыбка, но тут же застыла.

В дверях бесшумно выросла чья-то фигура. Незванный гость небрежно прислонился к косяку. Один его глаз скрывала плотная повязка, а второй — с холодной фиолетовой радужкой — бесстрастно уставился на хозяина комнаты.

Когда Цзи Юаньчу ложился, он запечатал дверь защитными талисманами. Ослабленный проклятием, он не мог позволить себе беспечность. Однако пришелец преодолел барьер без малейшего труда. Это походило на бесцеремонное вторжение хищника в чужое логово — недвусмысленная, опасная угроза.

Улыбка Цзи Юаньчу дрогнула и приняла иное выражение. Он поднялся с постели и накинул на плечи халат; чернильные разводы проклятия мгновенно скользнули под ткань рукавов, скрывшись от чужих глаз.

Он вскинул голову, и его лицо тут же приняло на редкость невинный вид:

— Главный посланник Мо?

Мо Линь продолжал подпирать косяк. Его голос прозвучал ледяным шепотом:

— Доброе утро.

«Утро? Посреди глухой ночи?»

— Пожалуй, уже поздновато для приветствий. Что-то стряслось? — Цзи Юаньчу неторопливо натягивал сапоги. Истерзанный проклятием, он оставался в одном лишь тонком нижнем белье, с растрепанными волосами, однако одевался перед Мо Линем совершенно непринужденно.

Он прекрасно знал, как сильно Мо Линь презирает его, и нарочно вел себя бесстыдно, желая позлить гостя. Но, вопреки ожиданиям, Мо Линь даже не подумал отвернуться.

— Прошлой ночью погибло много людей, — бесстрастно произнес он.

Цзи Юаньчу затягивал пояс, напустив на себя ленивое недоумение:

— М? Прошлой ночью? Да я всю ночь проспал как убитый.

Мо Линь видел его притворство насквозь, но не стал уличать во лжи:

— Я тоже спал.

— Какое совпадение, — Цзи Юаньчу туго завязал узел на поясе.

— Вовсе нет, — Мо Линь издал короткий, сухой смешок.

Цзи Юаньчу замер. Он не мог разгадать скрытый смысл этого смеха. Опасения подтвердились в следующую же секунду, когда Мо Линь ледяным тоном добавил:

— Ночью ты был на реке Небесной Воды.

Цзи Юаньчу вскинул на него взгляд. В словах посланника не слышалось вопроса — лишь непоколебимая уверенность. Он явно чем-то располагал.

— И я тоже был там, — отрезал Мо Линь, не давая собеседнику вставить ни слова оправдания.

Цзи Юаньчу наконец нахмурился. Скрывать очевидное дальше не имело смысла.

Видя его замешательство, Мо Линь испытал нечто похожее на удовлетворение. Цзи Юаньчу вечно прятался за слащавой маской доброжелательности, и было приятно наконец узреть его истинное лицо.

— И что же ты забыл на реке Небесной Воды? — ледяным тоном спросил Цзи Юаньчу.

— Составил компанию Чжубаю за чаркой вина на Горной прогулочной ладье, — отозвался Мо Линь.

Цзи Юаньчу окончательно запутался. Чего на самом деле добивался этот человек?

— По пути мне попало судно, — Мо Линь скользнул взглядом по лицу собеседника. Он вел себя как опытный охотник, который не спеша раскладывает приманку перед дичью, наслаждаясь тем, как та послушно шагает в капкан. — А на нем — пять трупов воинов Армии Таинственных Символов.

Под началом Мо Линя находился весь гарнизон Армии Таинственных Символов в Городе между Облаками. Он бдительно следил за каждым подчиненным, и отсутствие нескольких бойцов на построении не укрылось от его внимания. В Армии царила железная дисциплина. Любая самоволка каралась нещадно, и в свитке дежурств Мо Линь уже обвел красной тушью пять имен.

Су Цзюгуй, обрубивший якорные цепи на черном судне, рассчитывал, что пропажу обнаружат как минимум через неделю. Кто же знал, что его любезный приятель Цзи Юаньчу той же ночью устроит переполох с кошмарами.

Как только над рекой Небесной Воды разразилось бедствие снов, Мо Линь тут же отправился прочесывать берега. Его люди обыскали реку от истоков до самого устья и наткнулись на дрейфующий корабль, в трюме которого лежали мертвые гвардейцы.

Цзи Юаньчу нахмурился еще сильнее. Погибли воины Армии Таинственных Символов? Почему он слышит об этом впервые?

— Самое забавное, — Мо Линь ловил малейшие изменения в мимике Цзи Юаньчу, — судя по ранам, они перебили друг друга сами.

Пятеро закаленных воинов устроили на борту кровавую баню без видимых причин. С чего бы им устраивать резню среди своих? Объяснений у Мо Линя не было.

— И кто же за этим стоит? — спросил Цзи Юаньчу.

— Трудно сказать, — Мо Линь уставился на шею собеседника. Та выглядела хрупкой, но убрать Цзи Юаньчу одним ударом было бы непросто даже для него. — Однако я кое-что нашел.

Обрывок шелковой нити.

— Вот как? — Цзи Юаньчу даже бровью не повел.

Мо Линь впился в него тяжелым взглядом и отчеканил:

— Паутину Ло Цяоцяо.

Круг замкнулся. Начав с расследования ночного происшествия на реке, Мо Линь обнаружил след марионеточных нитей Ло Цяоцяо, который вел напрямиком к пожарищу в мастерской Цицяо.

— Полагаю, это дело рук Лу Юньцзи, — заключил Мо Линь.

Цзи Юаньчу не удержался от усмешки. Разумеется, Лу Юньцзи. Заклинатель призраков упоминал, что беглый бессмертный завладел паутиной, а значит, вполне мог применить марионеточные техники покойного лавочника. Эта мысль лишь позабавила его: Су Цзюгуй оказался куда способнее, чем виделось со стороны.

— В таком случае примите мои поздравления, господин главный посланник, — вкрадчиво проговорил Цзи Юаньчу. — Наконец-то вы попали на след беглого преступника. Можете не беспокоиться, оспаривать ваши заслуги перед верхами я не стану.

— Не беспокойся, — сухо уронил Мо Линь. — Я уже позаботился о телах. Ради твоего же блага.

Цзи Юаньчу, собиравшийся увязать волосы в пучок, замер. Намерения Мо Линя оставались для него загадкой. Обнаружив убитых патрульных, любой командир на его месте поднял бы тревогу и оцепил реку Небесной Воды. Зачем скрывать преступление? Что значит «ради твоего блага»?

В груди Цзи Юаньчу шевельнулась глухая тревога. Похоже, этот нелюдимый воитель знал куда больше, чем показывал.

— Какое отношение это имеет ко мне? — как можно равнодушнее спросил он.

— Тогда ответь: зачем ты сам ходил на реку?

Разговор зашел слишком далеко, прикидываться дураком и дальше было бессмысленно.

— Чтобы исправить былые ошибки горы Вечной Юности, — Цзи Юаньчу закрепил заколку и искоса глянул на Мо Линя.

— Ошибки? — в глазах посланника мелькнул интерес.

— Рано или поздно кто-то должен был пролить свет на тайны прошлого, которые годами пытались похоронить под спудом, — вполне искренне ответил Цзи Юаньчу. Он не лгал: то, как орден обошелся с девой-змеей, было верхом несправедливости. — К тому же я рассчитывал использовать ее силу, чтобы покончить с Лу Юньцзи, — добавил он.

— Вот как? — отозвался Мо Линь, устремив куда-то в пустоту безучастный взгляд.

Цзи Юаньчу поспешил выставить их единомышленниками:

— Разумеется. В конце концов, мы ведь преследуем общие цели.

— И ради этого ты готов зайти так далеко? — спросил Мо Линь.

— О чем ты?

Мо Линю, похоже, надоело ходить вокруг да около. Он резко подался вперед и опустил тяжелую ладонь на плечо Цзи Юаньчу.

Тот инстинктивно уклонился, рванувшись в сторону. Как-никак, он оставался преемником учения горы Вечной Юности, и даже мучительное проклятие в его жилах не делало его легкой добычей.

Цзи Юаньчу стремительно сложил пальцы в защитном жесте. Из его широких рукавов веером брызнули десятки бумажных талисманов. Нападать он не спешил — открытое столкновение с Мо Линем разрушило бы хрупкое перемирие и привело к плачевным последствиям. Цзи Юаньчу терпеть не мог, когда ситуация выходила из-под контроля. Он хмуро уставился на противника, удерживая талисманы в воздухе мановением руки и готовясь к любому повороту.

Однако Мо Линь не сделал ни шага. Он лишь тихо, вкрадчиво рассмеялся.

Этот человек смеялся крайне редко, и Цзи Юаньчу отлично знал: если Мо Линь веселится, жди беды. Под этот зловещий смех посланник медленно потянулся к лицу и сдернул кожаную повязку с правого глаза.

— Ты держишь меня за идиота?

Они были знакомы больше полувека, но за все эти пятьдесят лет Цзи Юаньчу ни разу не видел, что скрывается под повязкой Мо Линя. Если кто-то годами прячет половину лица, за этим всегда кроется опасная тайна. Цзи Юаньчу запоздало попытался отвернуться, но не успел.

Правый зрачок Мо Линя оказался ярко-фиолетовым. Внутри него медленно вращались концентрические узоры, напоминающие диковинный, распускающийся цветок. Этот завораживающий танец линий мгновенно приковал к себе взгляд Цзи Юаньчу, лишая воли. То были невероятно красивые, притягательные глаза — глаза хищника, забирающие душу.

Бумажные талисманы безвольно замерли в воздухе. Цзи Юаньчу оцепенел от потрясения, не в силах пошевелить даже пальцем, словно его намертво пригвоздили к полу.

Техника Иллюзорного Взора. Под обычной повязкой Мо Линь скрывал редчайший, смертоносный дар.

Холодный пот покатился по его лбу. Не будь он столь истощен ночной схваткой и отдачей проклятия, этот морок вряд ли сковал бы его так легко. Но сейчас Цзи Юаньчу оставалось лишь беспомощно наблюдать, как Мо Линь медленно приближается, заслоня собой тусклый свет свечи.

Мо Линь грубо ухватил его за подбородок и вздернул голову вверх. Цзи Юаньчу сейчас походил на беззащитного лебедя, подставившего шею под топор: одно резкое движение сильных пальцев посланника — и его жизнь прервется.

— Цзи Юаньчу, — негромко позвал Мо Линь.

Они стояли так близко, что теплое дыхание опаляло лица.

— Весело было водить меня за нос?

— Я... — губы Цзи Юаньчу едва шевелились.

Мо Линь не собирался выслушивать оправдания. Одной рукой он бесцеремонно прижал Цзи Юаньчу к себе за талию, а второй — неторопливо, словно разворачивая праздничный сверток, принялся распускать пояс, который тот с таким трудом завязал мгновениями ранее.

Цзи Юаньчу оцепенел от потрясения. Он отчаянно пытался сопротивляться внутренне, но тело не слушалось. Раздался резкий треск рвущейся ткани — терпения Мо Линю не занимать. Он бесцеремонно рванул ворот его халата, обнажая плечи. Истерзанные шелка повисли лохмотьями, открывая взору темные разводы проклятия, опутавшие грудь и руки Цзи Юаньчу. Черные линии кривились и изгибались на бледной коже, напоминая уродливые, жуткие рожицы демонов.

— Так ты ранен? — бесстрастный, лишенный всякого сочувствия голос Мо Линя прозвучал откуда-то сверху.